

Глава,

*которая могла бы стать первой, если бы пересказчику
не понадобилось вступительное слово*

Произошло это в подмосковном посёлке Кратово, где я поселился на покой.

После долгой жизни, полной бурных событий, я мог позволить себе маленькие слабости: вставал часиков в одиннадцать утра, не торопясь выпивал несколько кружек чая с клубничным вареньем и, усевшись на скамеечке, вспоминал своё удивительное житьё-бытьё или почитывал себе очередную увлекательную книжечку. Много я их за это лето прочитал, раньше-то всё не доходили руки — то одно, то другое, — а до всякой занимательной истории я большой охотник. Впрочем, как и все люди моей замечательной профессии.

Утро в тот странный день началось для меня намного раньше обычного. Едва взошло солнце, как меня разбудил-

ло смутное предчувствие чего-то неизвестного, которое сегодня не даст мне поспать хорошенько.

Но дело в том, что вашего покорного слугу не так-то легко поймать на мистическую удочку. Я, человек бывалый, верящий только в реальные факты, повернулся на другой бок и упрямо закрыл глаза.

— Вставай, вставай, лежебока! Ты даже не представляешь, что ожидает тебя в ближайшие минуты, — сказал мне внутренний голос.

— Ради бога, дай поспать. И кстати, я перевидел всё, меня уже ничем не удивишь, — буркнул я, ещё крепче смежая веки.

Мой ответ паразит вас скромностью, если я открою, что почти полсотни лет проплавал юнгой на линии Новороссийск — Туапсе. Предвидя вашу улыбку, скажу следующее: я мог бы закончить службу даже капитаном лихого теплохода, пожелай этого. Но мне не хотелось расставаться с должностью юнги. Если вы хоть мало-мальски знакомы с приключенческой литературой, то, без сомнений, догадались, в чём дело. Ну конечно же: львиная доля всех происшествий всегда выпадает на долю юнги. А меня хоть хлебом не корми, дай только окунуться в какое-нибудь увлекательное приключение.

Ну так вот, притворился я спящим и даже захрапел потихоньку. Но настырный голос был неумолим, заладив своё. Поняв, что в это утро спать мне не придётся, я вылез из постели и сказал:

— Ладно, ладно. Только отвяжись.

Одевшись и кое-как сполоснув лицо под умывальником, я вышел на улицу, огляделся и, как и следовало ожидать, не нашёл ничего такого, из-за чего бы стоило жертвовать сном, который по утрам особенно сладок.

— Может, я не видел козу, что с утра до темноты щиплет траву в канаве? Или как тётка несёт парное молоко? — спросил я сердито,

— Не спеши, — возразил внутренний голос. — Может, это за углом.

Я завернул за соседний участок, остановился.

— А пройти ещё метров двадцать ты не в силах? — произнёс внутренний голос, немного раздражаясь.

Через сотню метров он напомнил:

— Я и в самом деле сказал — метров двадцать, но нельзя же понимать так буквально!

Я послушал его и на этот раз и направился в дачный парк. Парк был разбит на берегу пруда, и меня, как бывшего моряка, вполне естественно потянуло на пруд. В парке было безлюдно, потому что на весь посёлок не нашлось другого простофили, который бы в такую рань поверил чепухе, что несёт его вздорный внутренний голос.

Однако стариковское зрение провело меня поначалу. Возле карусели слонялся ещё один чудак. Да и выглядел он чудно в своей длинной, до колен, полотняной рубашке и новых лаптях из синтетики. Но ещё забавней показалась мне голова незнакомца с белыми, лёгкими, точно пух одуванчика, кудрями и бородой и ярко-синими глазами. Он походил на старинного корабейника, и за спиной его висело нечто похожее на пустой лоток. Чудак совал свой нос сквозь ограду из штакетника, старался постичь немудрёный механизм карусели, точно это была какая-нибудь невидаль. Он увлёкся своим занятием и не заметил моего появления.

— А вас-то что вынесло в такую рань? Вам-то что спать мешает? — спросил я дружелюбно, испытывая к нему чувство солидарности, как к товарищу по несчастью.

Услышав мой голос, незнакомец перепугался и припустил между деревьями во все лопатки. Задал такого стрекача, что даже выронил книгу, которую держал, оказывается, под мышкой.

— Ой! Вы уронили книгу! — крикнул я вслед.

Видно, мой голос ему что-то напомнил, и он так заспешил, что даже не оглянулся, а влетел пулей в лифт, стоявший сам по себе между сосен. Обычный лифт, ничего особенного, разве что нет ни подъезда, ни стен — вокруг только сосны. Незнакомец захлопнул за собой металлические двери; я увидел через стекло, как он нажал на кнопку какого-то этажа, и лифт взлетел между стволами сосен и скрылся за их кронами.

«Видно, такое спешное дело, некогда книгу поднять», — подумал я, подошёл и нагнулся за книгой.

Книга как книга, хотя и в мягкой обложке из неизвестной синтетики, и, если мне не изменяет память, она называлась так: «Продавец приключений, или Правдивое, хотя и невероятное, путешествие на звездолёте „Искатель“».

Тут я вспомнил про внутренний голос и спросил:

— Что-то ты притих, голубчик? Где же твоё необычайное?

— Может, это и есть то самое необычайное: и человек, и лифт. Ну и эта книга. Там же написано: «Невероятное путешествие», — робко отозвался голос.

— Ну, это мы ещё проверим, насколько оно невероятное и невероятное ли оно вообще. И потом, стоило ли весь этот сыр-бор затевать из-за какой-то книги. Разве нельзя было просто сходить в библиотеку и взять книгу на дом? Разумеется, выславшись предварительно.

— Но может, такую не сыщешь ни в одной библиотеке? И потом, обрати внимание на лифт. Вокруг сосны, и вдруг ни с того ни с сего лифт, сам по себе. Необычно, не правда ли? — осмелел постепенно голос.

— Ну знаешь ли, я на линии Новороссийск — Туапсе встречал такое... Не то что лифт между сосен, а... что и говорить!..

В общем, в тот же день я осилил подобранную книжечку и скажу напрямик: нет на её страницах и капли не-

обычайного в том, что сочинил неизвестный мне автор. И что уж он, не мог придумать другое название, что ли?

А через месяц заявился и сам хозяин книги. Торчит этот коробейник перед крылечком, не решается войти.

— Что уж, входите, — говорю.

— Не могу. Не имею права, — отвечает. — Я из Будущего. Если что-нибудь ненароком испорчу, нарушится ход истории.

— Бросьте эти предрассудки. Ничего не случится с вашей историей. А если и случится, так, может, к лучшему, — говорю. — Вот вам стул. Не попрошайничать же вы пришли?

Вошёл он с опаской, сел остороженько, поправил за спиной лоток для удобства и завёл такой разговор.

— Не у вас ли, случайно, моя книга? — спросил он с надеждой. — Понимаете, книжка, вообще-то, не моя, я взял её в библиотеке. Дай, думаю, почитаю в дороге, пока спущусь из нашего времени в ваше. Но увидел вас, испугался и вот потерял. Теперь такие неприятности, — закончил он расстроено.

— Не горюйте. Вот ваша книга. Только не стоит она того, чтобы пускаться вдаль из-за такой ерундовины.

— Неужели приключения экипажа «Искателя» не произвели на вас впечатление? В них столько необычного, — удивился этот тип из Будущего, прижимая книжицу к груди точно некую драгоценность.

— Да что же в них такого уж невероятного? Извините за прямоту. Просто вы никогда не пускались в каботажное плавание, — заявил я.

— Признаться, не приходилось, — пробормотал этот коробейник. — Но может, вас заинтересовали неведомые миры?

— Так уж и неведомые! Нет, лучше скажите: вы плавали на линии Туапсе — Новороссийск? — настаивал я на своём.

— Да нет же, — сказал гость с досадой, и досадовал он не оттого, что ему не повезло, словом, не удалось поплавать на этой линии, а по какому-то другому поводу. — Значит, я не на того напал. Вы-то, оказывается, бывалый морской волк, — сказал он, покачивая головой.

— Я знаю море между Новороссийском и Туапсе, как свою квартиру, — отметил я, чтобы лишить его последних сомнений.

— А я-то подсунул вам эту книгу. Хотел увлечь, — сообщил он, всё ещё стараясь прийти в себя от неожиданности.

Но тут наступила моя очередь удивиться — правда, слегка: больше я себе просто не позволил.

— Значит, вы книгу не теряли, а намеренно...

— В том-то и дело, — перебил мой гость, и тут его осенила какая-то мысль. — Но... но у меня есть другие приключения. Словом, есть приключения! Самые разнообразные приключения! — закончил он нараспев.

— Выходит, вы и есть тот самый Продавец приключений? — догадался я, вспомнив прочитанную книгу.

— Вы угадали. Это я, — сказал гость. — Значит, вы не нуждаетесь в моём товаре?

— Туапсе — Новороссийск, — напомнил я, подняв указательный палец.

— Ах да! Я всё забываю, — сказал он, поднимаясь.

Он дошёл до дверей и тут всё-таки решился ещё на последнюю попытку.

— Послушайте, у меня единственный экземпляр. — Он показал на книгу. — Да всюду мне всё равно не поспеть. Но вы можете мне помочь, если перескажете её содержание своим друзьям, знакомым... в общем, своим современникам.

— Пожалуйста, — сказал я, — мне это ничего не стоит.

Не мог же я признаться в том, что кое-что уже вылетело из моей памяти, а некоторые главы и вовсе перелистаны наспех. «Ладно, что-нибудь да придумаю», — сказал я себе.

— Ну вот и хорошо, — произнёс Продавец с облегчением. — А я ещё к вам наведуясь.

Ну а вашему покорному слуге ничего не остаётся, как начать пересказ.

Глава первая,

*в которой сразу, без проволочек, появляется
причина, позволившая нашим героям
действовать безотлагательно*

— Биллион метеоритов! — воскликнул бывший астронавт в сердцах, что в переводе на обычный земной язык означало «тысяча чертей».

Не то чтобы он совсем распустился и не держал себя в руках, просто с тех пор, как его отправили на пенсию и он лишился привычных опасностей, его стальные нервы начали пошаливать. «Этот земной покой превратил меня в тряпку», — не раз говорил себе с горечью астронавт. И вот теперь он не удержался от восклицания.

— Аскольд! — упрекнула его сестра и повела глазами на дверь. — Аскольд, там ребёнок!

Под крепким космическим загаром астронавта выступил нежный румянец. Бывший звездоплавателю прикрыл рот ладонью, будто затолкнул назад готовое вылететь слово, и сконфуженно произнёс:

— Прости, сестрёнка. Полбиллиона метеоритов, я не узнаю своего...

— Аскольд, — повторила сестра, укоризненно улыбаясь.

— Но тысячу метеоритов можно? — спросил астронавт, сбиваясь с толку. — Всего только тысячу.

Сестра всплеснула руками: ну что, мол, с ним поделаешь.

— Аскольд, я же тебе сказала: там ребёнок. — И она вновь указала на дверь.

— Ну тогда всего лишь один метеорит, но самый вредный и гнусный, — твёрдо сказал астронавт и осторожно ударил по столу кулаком, на котором был вытатуирован звездолёт с надписью «Стремительный».

«Э, да я совсем расхлябался, как старая ракета», — заметил он про себя.

— В общем, этот гнусный метеорит, я не узнаю своего племянника, — продолжал астронавт. — Возвращаюсь, понимаете, из своего последнего в жизни рейса, а мой дорогой племянник уже не тот. Ходит, понимаете, опустивши нос, будто на него давит какой-нибудь жалкий миллион атмосфер!

Его сестрица пригорюнилась — видно, он задел её болезненное место — и сказала:

— Влюбился наш Петенька. Надо же быть такой беде!

— Вот как?! — произнёс бывший астронавт. — Значит, всё пропало: теперь уж не бывать ему путешественником!

Когда-то он был великим астронавтом, и ему очень хотелось, чтобы племянник пошёл по его стопам.

— Что уж путешественником, если он даже забросил любимую науку. — И сестра провела краем чистенького фартучка по глазам. — А какой он был к науке способный... Ну такой вундеркинд! Ему ещё и двух лет-то не набиралось, а бывало, спросишь его: «Петенька, а Петенька, сколько будет, если 3575 679 помножить на 2935 798?» — поморщит носик и скажет точно. И так всё пошло хорошо... В девять годиков защитил кандидатскую диссертацию. А теперь вот уже десять лет как доктор наук. Только и осталось что в академики.

И сестрица опять едва не заплакала.

— Ничего не поделаешь, сестра. Я слышал, что с некоторыми случается такая беда, — печально пробормотал Аскольд Витальевич.

— Так если бы он полюбил, как все нормальные люди. Я бы уж рада была, детишек нянчила... А то ведь влюбился в кого? — всплеснула сестра руками.

— В кого же? — спросил машинально бывший астронавт.

— Если бы знать! В том-то и дело, что в Никого!

— Как это можно — влюбиться в Никого? — усмехнулся бывший астронавт, как будто бы ему сообщили нечто несусветное. — Я холостяк и не специалист в этой области и, пожалуй, вообще ничего не смыслю в таких делах, но помоему, если разумные люди и теряют голову, то обычно из-за какого-нибудь конкретного лица, — добавил он затем.

— Можешь убедиться сам, — вздохнула сестра и приоткрыла дверь в соседнюю комнату.

Бывший астронавт увидел своего племянника. Вундеркинд сидел за письменным столом и смотрел в окно блуждающим взглядом через толстые очки, точно пытался что-то найти на улице. Оттого что он долго не был на свежем воздухе, племянник осунулся. На лице его отросла молодая кудрявая борода.

— Сынок, кто же Она? Женщина? Рыба? Или, может быть, водоросль? — тоскливо спросила сестра. — Говорят, есть планеты, где живут разумные рыбы и водоросли. И даже камни...

— Что верно, то верно, — подтвердил бывший астронавт. — Помнится, на планете Лулу я присел отдохнуть на пенёк, а тот оказался интеллектуальным. Тогда мы поболтали славно.

— Ах, если бы я знал, кто Она! — вздохнул племянник.

— А может, Она и не стоит этого? — осторожно спросила сестра.

— Что ты говоришь, мама! Она — Самая Совершенная во времени и пространстве, — пробормотал влюблённый с упрёком. — Я полюбил Её с первой же мысли. Как только понял, что Она теоретически существует, так и потерял покой. Но кто Она и где Она?! — воскликнул он в полном отчаянии.

Это печальное зрелище оказалось им не под силу, брат и сестра вышли на цыпочках, несчастная мать закрыла дверь и вновь потёрла глаза краем фартучка.

«А я-то... А я-то мечтал, что племянник пойдёт по моему пути и тоже станет настоящим путешественником», — подумал бывший астронавт с горечью, расхаживая по комнате в своей поношенной курточке из коричневой кожи. Ещё совсем недавно эта старенькая курточка была известна всему миру по газетным снимкам и телевизионным передачам. Аскольд Витальевич сшил её из кожи сатурнианского бегемота, которую самолично добыл на Сатурне. Нет-нет, он не был таким франтом, чтобы ради моды стрелять в животное! Просто сатурнианский бегемот раз в десять лет сбрасывал кожу, и на этот раз он сделал это специально для Аскольда Витальевича.

— Сто тысяч метеоритов... — пробормотал бывший астронавт и, погладив в утешение сестрицу по голове, вышел из дома. Он брёл по улице и бормотал себе под нос: — Ах, как подвёл племянничек, биллион биллионов метеоритов! Кто же теперь вместо меня будет искать приключения? Сам-то я уж на пенсии теперь. Поди ты, спи-сали на землю. Полетал — и довольно, говорят.

Это случилось в тот день, когда он вернулся из своего последнего путешествия. На космодроме, как всегда, собралась толпа тех, кому не терпелось сейчас же услышать рассказ о новых приключениях своего кумира. Аскольд Витальевич присел на ступеньки вокзала и поведал несколько совершенно новых удивительных историй. На-

слушавшись вдоволь, народ разошёлся, и тогда к астронавту подсел представитель отдела кадров.

«А не пора ли вам утихомириться, дорогой Аскольд Витальевич? — мягко произнёс представитель. — Попутешествовали — и хватит! Дайте теперь попутешествовать другим, тем, кто помоложе».

Они, то есть отдел кадров, застали его врасплох. И всё же великий астронавт возразил, сказал, что он вовсе не стар ещё и готов хоть куда, хоть за тридевять Вселенных. А что касается перегрузок, так даже трудно представить, сколько он может их выдержать...

«Знаем, знаем... — прервал его представитель, а в голосе его сквозило сомнение. — Знаем, вы ещё бравый мужчина! Но столько желающих путешествовать, что просто не напасёшься космических кораблей. На вашем счету уже тысячи приключений, и будет просто несправедливо, если из-за вас кто-нибудь так и не отправится в путешествие. Ни разу в жизни!..»

Великий астронавт чтит справедливость более всего и поэтому покорился, хотя даже не смог представить, как теперь будет жить без приключений...

— Неужели я не буду больше путешествовать? — шептал астронавт, шагая по улице.

Встречные уже не узнавали его, словно позабыли о его существовании. Во всяком случае, по тротуару совершенно запросто шагал самый прославленный путешественник, почётный член всех географических и астрономических обществ, и никто из прохожих даже не оглянулся ему вслед. А раньше-то, а раньше, когда он возвращался из очередного, ещё небывалого¹ похода, от бесчисленных

¹ Такие чересчур сильные выражения, как «небывалый», «храбрый», «гениальный» и т. п., разумеется, принадлежат оставшемуся неизвестным автору, и читатель, конечно, уже догадался, что пересказчик не имеет к ним никакого отношения.

почестей не было спасу. И скромный, и суровый по натуре, великий астронавт прятался от ликующей публики по задворкам. Поэтому сегодня ему стало чуточку обидно.

«Ну да, конечно забыли... Теперь уже другие звездолёты и другие имена, — сообщил он себе печально. — И подвёл племянничек мой — надежда, единственный продолжатель рода знаменитых звездоплывателей, который я было основал. Что за прок от человека, потерявшего голову?..»

Вернувшись домой, он с горя первым делом отключил в кабинете земное притяжение. Когда астронавт ещё был знаменит, учёные подарили ему специальную машину, которая убирала притяжение. И человек в кабинете становился невесом. Астронавт переобулся в домашние туфли и начал плавать по комнате, продолжая рассуждать сам с собой.

Когда он немного успокоился, лёг в дрейф посреди кабинета и вполглаза задремал, в дверь громко постучали.

— Войдите! — крикнул астронавт недовольно.

В кабинет вошёл белокурый геркулес в юношеском возрасте. Гость тут же потерял равновесие и ухватился за дверную ручку. И дверь задрожала, зазвенела, точно струна, от его тяжёлой хватки.

— Вот это да! Я так и думал, что у вас и дома должно быть всё по-особенному, — заявил весело гость.

— Что же тут особенного? Естественные условия для отдыха, и всего-то, — пробурчал астронавт, поворачиваясь на бок.

— А, понимаю, — неизвестно чему обрадовался гость.

— Так что вам угодно? — спросил астронавт, взирая на пришельца сверху.

— Аскольд Витальевич, у меня к вам одно предложение, — сообщил парень, радостно улыбаясь и ослепительно сверкая крепкими зубами.

— Представляю, что можно предложить астронавту, который уже никому и не нужен, — горько усмехнулся Аскольд Витальевич. — Ну ладно, валяйте сюда!

— Иду! — крикнул жизнерадостный гость.

Он оттолкнулся от дверей и полетел через кабинет, кувыркаясь по дороге для забавы.

— Нельзя ли без шалостей, — проворчал астронавт; он взялся за стержень люстры, а свободной рукой прихватил пролетавшего мимо гостя за шиворот.

— Мне это нравится, — заявил парень сияя.

— Я слушаю, — напомнил астронавт, смягчаясь.

Он должен был признаться в душе, что этот парень, в общем-то, производил приятное впечатление. «Лихой парень! Вот уж прирождённый путешественник, — подумал астронавт. — А племянник Петенька ах уж как не оправдал моих надежд, подумать только!»

— Меня зовут Саней. Я насчёт вашего племянника Петеньки, — объявил симпатичный Саня, посматривая на хозяина голубыми простодушными глазами.

— Что-нибудь ещё? — спросил астронавт и насупился.

— Он влюблён! — воскликнул Саня восторженно.

— Уже слышан, к сожалению, — сказал астронавт сухо.

Но Саня пропустил его замечание мимо ушей и продолжал восхищаться.

— И самое главное... — сказал он ликуя, — самое главное то, что он даже толком не знает в кого.

— Какое это имеет значение, это уже частности, — промолвил астронавт и, не сдержав грусти, прижался щекой к прохладному стержню люстры.

— Вы говорите — какое значение? Да потрясающее! — воскликнул Саня, блестя глазами. — Теперь Её нужно искать! — закончил он, переходя на шёпот.

Когда паренёк произнёс последнее слово, Аскольд Витальевич невольно вздрогнул.

— Вы сказали «искать»? — хрипло спросил астронавт, вслушиваясь в музыку этого удивительного слова.

— Да! Вот именно: искать!

— Но какое я имею отношение к этой, простите, не-серьёзной истории? Чем могу помочь?

— О, своим несравненным опытом! Её следует искать в космосе. Понимаете? В космосе! — торжественно объявил Саня. — А коли так, я сразу и подумал: «Вот кто знает Вселенную как свою ладонь — Аскольд Витальевич!» И помчался к вам.

— Простите, но что общего между... между таким недостойным увлечением и... космосом?! — удивился астронавт и даже почувствовал некоторую обиду за великий космос.

— Отношение самое непосредственное. — И Саня таинственно наклонился. — Она, в кого он влюблён, связана со временем и пространством. — И гость величественно указал за окно, туда, где синело глубокое небо.

— Она что же, стюардесса, вы так полагаете? — усмехнулся астронавт догадливо.

— Ничего не известно. Может, и стюардесса на космических кораблях, а может, и жительница какой-нибудь ещё не открытой планеты. Известно только то, что Она Самая Совершенная во времени и пространстве... Понимаете, когда Петенька почувствовал это в сердце... ну, эту самую любовь, он вначале испугался, потому что вроде влюблён, а не знает в кого. Ну хоть лопни! Понимаете, какое нелепое положение? Тогда он зашифровал свои идеалы и сунул в электронно-вычислительную машину. Машина, в общем, попытала и выдала на-гора, что Она, мол, — ну, та, которая будто бы ранила его в сердце, — Самая Совершенная во времени и пространстве. И более ни-

чего, ну хоть тресни!.. Такая ситуация, Аскольд Витальевич. Значит, надо искать самим. Во времени и пространстве, то есть в космосе.

Из-за энергичных движений он то и дело кувыркался в воздухе, и хозяину каждый раз приходилось ловить его за полы пиджака и возвращать на место.

— Значит, как я понял, вы пускаетесь в путешествие? — спросил астронавт с завистью.

— Петенька очень переживает, прямо нет сил смотреть, — сказал Саня, заглядывая астронавту в глаза по-собачьи.

— И что же должен я? Помочь советом? — спросил астронавт с горечью.

— Мы просим вас возглавить экспедицию, — важно предложил Саня.

— Искать какую-то сопливую девчонку? — фыркнул астронавт, полагая, что нужно немного поупрямиться для солидности, а сам так и обмер от неожиданной радости.

— Да, искать! Аскольд Витальевич, неизвестные дороги ждут вас! Вас ждут звёзды, Аскольд Витальевич! — призвал Саня, бледнея от пафоса.

Астронавт смущённо хмыкнул...

«Снова в путешествие! — с восторгом подумал он. — Пусть даже из-за какой-то девчонки. Мы разыщем её, и пусть мой дорогой племянник посмотрит на неё и скажет: «Нет, всё-таки самое прекрасное на свете — это путешествие. Стану-ка я лучше путешественником!»

— Экипаж? — спросил астронавт деловито.

— Три человека. Командир корабля, то есть вы, и мы ещё с Петенькой, — чётко доложил Саня.

Астронавт одобрительно кивнул. Этот бравый парень нравился ему час от часу всё больше.

— А с отделом кадров вы утрясли? Может, чья-нибудь очередь, а я, пожалуй, вместо него? И ни за что ни про что